

12 августа 1945 г.

Украинский театр в Москве

Возобновлена одна из лучших традиций московской театральной жизни: летом звучит у нас голос украинского театра. В июне 1941 года его оборвало разбойничье нападение Германии на нашу страну. Тогда гостил в Москве театр имени Ивана Франко.

Ныне в помещении филыала МХАТ гостит Харьковский украинский драматический театр им. Шевченко. Он открыл свои гастроли пьесой Кропивницкого «Дай серцю волю, заведе в неволю». Это — тоже своего рода традиция, — открывать спектакли старыми пьесами украинского репертуара. «Дай серцю волю, заведе в неволю» — старая мелодрама, с песнями и танцами, типичная для дореволюционного украинского театра.

Но только ли это — дань внимания и уважения к тому времени, когда создавался украинский театр, или также признательность его замечательным творцам?

Чтобы выйти на свой нынешний путь — всестороннего полнокровного развития, — украинскому театру приходилось нередко преодолевать навыки, школу, вкусы как раз того старого репертуара, к которому принадлежит и данная пьеса. Новый советский театр на Украине борется с канонами музыкальной, танцевальной мелодрамы и комедии. Эти каноны суживали творчество украинского актера, замыкали его в пределах романтической этнографии.

Все это теперь — в прошлом. Однако, преодолев староз, украинский советский театр его не отбросил, а возвращается к нему, когда в этом есть необходимость, заимствуя у него все то ценное, что в нем заключается.

В той программе, с которой приехал к нам Харьковский театр, соседствуют старые пьесы Кропивницкого и «Евгения Гранде» (по Бальзаку). Актеры свободно смеяются вышитые сорочки и казацкие шаровары на фрак и узкие брюки французских дворян прошлого века.

Далеко не все устарело и в мелодраме Кропивницкого. Много «оперного», много театрального прищипыва. Но это побеждается подлинным глубоким чувством и мастерством актерской игры. Есть в пьесе одна роль, которая звучит современно и драматически значительно. Это роль Ивана Непокрытого — крестьянина-бедняка, парня, который отдаст свою жизнь за друга, за побратима. Играет эту роль Крушельницкий. Кто видел этого замечательного актера в роли Ивана, тот уносит с собой и навсегда сохраняет художественный образ большой покоряющей силы.

Бедняк Иван Непокрытый — одна из тех богатых, одаренных натур, которые всегда выдвигала Украина из народной толпы своей. Иван умен и талантлив. Он подлинный сын украинского народа. И когда видишь в этой роли Крушельницкого, то забываешь о том, что он играет Ивана. Нет. Он не играет, а живет на сцене, и зрительный зал не отрывает от него восхищенного взора. Кийкой комический талант, какая неистощимая веселая выдумка, какая легкость в каждом движении, в танце!.. Превосходный мастер, замечательный мастер.

Но только привыкаешь к мысли о том, что перед тобой выдающийся представитель комического жанра, как в последней картине пьесы Крушельницкий раскрывает драматическую сторону своего дарования.

Пьеса Кропивницкого — пьеса о дружбе и о братстве, о чистоте и благородстве народного характера. Иван вырастает в глазах своих друзей. Все такой же простой и скромный, прикрывающий шутками каждое движение своего сердца, он идет на подвиг самоотверженности, чтобы обеспечить победу правды.

Крушельницкий пользуется самыми скудными средствами, ничего не подчеркивая, нигде не нажимая и все отходит на второй план — и Одарка, и ее тихий муж, и помешавшаяся от несчастной любви

дівчинка — все, что входит в обязательный реквизит мелодрамы, — а остается только правда народного характера.

Меняется обстановка, отмирает старое; а народный характер живет, развивается и по-новому проявляет себя в изменившихся исторических условиях.

Мы говорим о Крушельницком не только как об актере, но и как о постановщике, о художественном руководителе. В этой области его талант выражается и в том, что с ним вместе в ногу идет весь ансамбль, что нет разнобоя. Есть чудесная простота в мелодичных народных песнях, есть огонек и в народных сценках. Интересно поставлен старинный обряд деревенской свадьбы.

Если «Дай серцю волю, заведе в неволю» это — вечер Крушельницкого, то «Евгения Гранде» — это вечер выдающегося мастера украинской сцены Марьяненко и талантливой актрисы Чистяковой. Перед исполнителями задача сложная. Надо так показать французский быт, чтобы не звучали в нем украинские бытовые ноты. Надо вместе с тем раскрыть всю сложную основу характеров пьесы. Кроме того, если в пьесах из украинской жизни, в особенности старых, у Харьковского театра в Москве нет соперников, не с кем их сравнивать, то в современном советском и классическом мировом репертуаре украинскому театру в Москве приходится состязаться с признанными мастерами русской сцены.

Из этого состязания исполнители «Евгения Гранде» выходят с честью. Это же относится и к постановке (Крушельницкого и Черкашина) и к оформлению (художник Греченко). Общий художественный уровень спектакля высок. Образ папашин Гранде сделан спланными актерскими красками, с большим чувством художественной меры, которой Марьяненко, на наш взгляд, изменил только один раз, в последней сцене третьего акта, когда скупой боцар, потрясенный смертью своей жены, начинает разбрасывать золотые монеты... Это эффект дешевый, он не отвечает замыслу Бальзака и портит общий рисунок роли.

Чистякова изображает юную, наивную девушку в первых актах, много испытавшую созревшую молодую женщину — в последнем акте. Эти переходы редко удаются актрисам даже очень талантливым. Чистякова по-настоящему раскрывает свое дарование в заключительных картинах пьесы. С большой силой звучат ее слова, в которых выражен отказ от всех надежд на личное счастье. Очень умело проявляет она черты своего скупого отца. Картина разбитой жизни полна драматической экспрессии в мастерской игре превосходной актрисы. Украинский бытовой акцент оказался в исполнении артистки Лыхо роли старой служанки Наннетты, но и то сказать — старые бабы всех стран похожи одна на другую. В игре Лыхо есть и неподдельный юмор, и трогательная любовь старой няньки к своей воспитаннице. Чуть окариатурены фигуры судьи, нотариуса, доктора. Это не мешает однако общему стилю постановки, верному и выдержанному. Скажем лишь попутно, что, если уж прибегать к натуралистическим деталям на сцене, то надо соблюдать последовательность. Кукушка выскакивает из старинных часов, это хорошо, это придает особый колорит старинной обстановке дома. Однако на часах с «всамделишной» кукушкой маятник нарисован и стрелки неподвижны. И эта мелочь разрушает иллюзию, размывается, это не может искупить общей картины спектакля. А общая картина говорит о том, что Харьковский театр обладает превосходными силами и высокой сценической культурой.

Нам хотелось бы познакомиться и с молодыми актерскими кадрами театра, но о них по этим пьесам ничего сказать нельзя.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

МОСКВА, 11 августа. (По телефону).